

ГЛАВА 4

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА¹

Национальные истории были и являются неотъемлемой частью широкой исторической культуры, которая распространялась и поддерживалась разнообразными государственными, общественными и культурными учреждениями, конструирующими места национальной памяти или участвовавшими в согласованных актах коллективного воспоминания. Но в данной главе речь пойдет лишь о практиках презентации национальной истории, которые были оформлены в разные виды нарративов, представленные во второй половине XVIII века – в большей степени историописателями-любителями – и оказывавшие влияние на формирование национальной идентичности россиян.

Временные рамки локализуют объект исследования не только в историографическом процессе Нового времени, но, в первую очередь, в классической модели европейской исторической науки. Разные виды национальной истории – национально-государственный нарратив, учебная книга по национальной истории и др. – получили свою наибольшую популярность именно в этой модели историографии. Все еще присутствуя в структуре исторического знания в большей степени в виде учебных книг, они и сейчас повествуют о прошлом нации-государства в той классической форме, которая начала оформляться во второй половине XVIII столетия.

Большая исследовательская перспектива изучения национальной истории в международном или региональном (в рамках континента) масштабе открылась, когда исследователи актуализировали проблему компаративной историографии и начали реализацию проекта NHIST (National Histories in Europe in Nineteenth and Twentieth-Century Europe). Вопрос о сходствах и различиях национальных исто-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.).

рий в рамках европейской историографии сегодня обсуждается исследователями, как и то, сложилась ли на континенте, в целом единая историческая наука или в ней присутствовали лишь близкие между собой подходы². Здесь не ставится задача выявлять в национальном историописании отличительные типологические черты, свойственные практике конструирования национального прошлого разным регионам Европы, к чему в конце XX века призвал М. Хроч³. Ряд черт, отличавших центрально-восточноевропейское (немецкие земли и Россия) национальное историописание от западноевропейского в XVIII – первой половине XIX века, еще в середине XX столетия выявлял Г. Кон, указав на наличие политических и культурных комплексов в немецкой и российской националистически ориентированной исторической мысли⁴. Объектом внимания авторов коллективного труда «Написание национальных историй», стало национальное историописание только в Западной и Центральной Европе (Великобритания, Франция, Германия и Италия)⁵. Напротив, М. Баар уточнила и дополнила выводы Г. Кона анализом национального историописания в Центральной и Восточной Европе, метафорически заключив, что историки этой части континента, «возможно, играли на отличных от западноевропейских современников инструментах, но несомненно, они производили ту же самую музыку»⁶.

В настоящем исследовании основной задачей станет выявление системы видов национальной истории в России в контексте европейского историописания, ее трансформация в разных исторических культурах, обнаружение важнейших свойств присущих таким видам историописания как очерки по национальной истории, национально-государственный нарратив, учебная книга по национальной истории и др. Таким образом, из структуры исторического знания этого периода выбирается совокупность видов историографических источ-

² Middell M., Roura i Aulinas L. The Various Forms of Transcending the Horizon of National History Writing // *Transnational Challenges to National History Writing* (Series: Writing the Nation). N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 1.

³ Hroch M. Historical Belles-Lettres as a Vehicle of the Image of National History // *National History and Identity: Approaches to the Writing of National History in the North-East Baltic Region, 19th and 20th Centuries* / ed. by M. Branch. Helsinki: Finnish Literature Society, 1999. P. 97.

⁴ Kohn H. Die Idee des Nationalismus: Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution. Hamburg: S. Fisher, 1962. S. 309-554.

⁵ См.: *Writing National Histories: Western Europe since 1800* / eds by S. Berger, M. Donovan, K. Passmore. L.: Routledge, 1999.

⁶ Baar M. *Historians and Nationalism: East-Central Europe in the Nineteenth Century*. N.Y.: Oxford University Press, 2010. C. 304.

ников, позиционирующих национальную историю. Сразу стоит сделать оговорку относительно употребленного выше понятия «система видов» по отношению к формам историописания о национальном прошлом. Оно носит терминологический характер, так как проблема совокупности таких видов историописания еще детально не разработана в исторической науке.

Чтобы решить исследовательскую задачу необходимо последовательно: 1) обратиться к вопросу о функционировании понятия «национальная история» в истории истории; 2) рассмотреть формирование системы видов исторических нарративов о российской истории в XVIII в.; 3) проанализировать спор между социально ориентированным и зарождающимся научным типами исторического знания в XVIII веке; 4) обратить внимание на трансформацию национальной истории в XIX веке; 5) выявить основные черты национально-государственного нарратива XIX – начала XX века.

I. Функционирование понятия «национальная история» в истории истории

В современной историографии работы о национальном прошлом традиционно называют «*национальной историей*»⁷ или, немного реже – «*национальным нарративом*»⁸. Однако, как оказывается, такие понятия не обладают признаком строгости для проведения историографического анализа. Поэтому – концепт «национальная история», будет здесь рассматриваться как конструкция, состоящая из совокупности разных форм исторической рефлексии.

Практика использования данного понятия в истории истории демонстрирует довольно широкое понимание исследователями способов историописания, которые называют «национальной историей». Например, Д.Р. Келли предлагает вести линию развития национальной истории еще от прагматической истории Полибия, через Макиавелли к Новому времени⁹. Национальной историей именуют

⁷ Платонов [С.Ф.] Лекции по русской истории, профессора Платонова: Читанные в 1898-99 учебн. году на высших женских курсах, в Императорском С.-Петербургском университете и в Военно-юридической академии: в 3 вып. СПб.: Столичная скоропечатня, 1899. Вып. I. С. 4; Stephens H.M. Nationality and History // The American Historical Review. 1916. Vol. 21. N 2. P. 232.

⁸ Phillips M.S. Society and Sentiment: Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 253; Berger S. The Invention of National Traditions in European Romanticism // The Oxford History of Historical Writing: in 5 vol. Vol. 4: 1800–1945 / eds by S. Macintyre, J. Maiguashca, A. Pók. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 30.

⁹ Kelley D.R. Versions of history from antiquity to the Enlightenment. New Haven, L.: Yale University Press, 1991. P. 8-9, 311-312.

работы европейских историков XVIII в. о национальном прошлом, но при этом отмечают, как например, С. Карвалье и Ф. Жеменн, что национальная история, повествующая об особой роли своего государства и народа, появляется как реакция на универсалистское Просвещение¹⁰. Тем самым, авторы дают понять, что национальная история после эпохи Просвещения уже несколько иная, чем национальная история XVIII века. Но это еще не всё. Национальной историей называют даже практики обращения к прошлому в совершенно иных восточных традициях историописания. В частности, это можно найти в третьем томе «Оксфордской истории историописания», где, например, некоторые китайские и вьетнамские исторические произведения XIII–XVI вв. названы национальной историей¹¹.

Думается, практике использования концептуального аппарата в последнем приведенном примере вполне подходит сделанное ранее замечание главного редактора «Оксфордской истории историописания» Д. Вульфа о том, что европейские и американские исследователи, «изучающие зарубежный ландшафт, просто колонизировали прошлое живущих там народов, а местные специалисты, исследующие свои национальные истории, часто принимают навязанную им практику западной историографии»¹².

В российской историографической культуре, несмотря на использование понятий «национальная история» (С.Ф. Платонов), «местная история» (В.О. Ключевский), «политическая история» (Н.Л. Рубинштейн) стало привычным называть комплекс исторических произведений, посвященных истории России и написанных соотечественниками в XVIII – XXI столетиях – «отечественной историей».

Историку, изучающему такой вид историописания как национальная история в кросс-культурной перспективе, сложно анализировать специфику практик использования прошлого в разных моделях историописания. Если обратить внимание на мысль историков о

¹⁰ См.: Carvalho S., Gemenne F. Introduction // Nations and their Histories: Constructions and Representations / ed. by S. Carvalho, F. Gemenne. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 1.

¹¹ Mittag A. Chinese Official Historical Writing under the Ming and Qing // The Oxford History of Historical Writing 2012: in 5 vols. Vol.3: 1400–1800 / eds by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 29, 35; Ng O. Private Historiography in Late Imperial China // Ibid. P. 65; Wade G. Southeast Asian Historical Writing // Ibid. P. 121, 123.

¹² Woolf D. Of Nations, Nationalism, and National Identity: Reflections on the Historiographic Organization of the Past // The Many Faces of Clio Cross-cultural Approaches to Historiography / ed. by Q.E. Wang, F. Fillafer. N.Y.: Berghahn Books, 2006. P. 75.

том, что расцвет национальной истории происходит в европейской модели историописания XIX века, что «современные национальные нарративы появились в Европе на рубеже восемнадцатого и начала девятнадцатого века»¹³, то становится не вполне понятно, как это согласовать с традицией написания «национальных историй», например, в средневековом Китае или Вьетнаме? Надо согласиться с тем, что такая форма историописания появляется в Европе в начале XIX в. в период расцвета как национальных государств, так и национальных историографий, что она будет лишь потом копироваться Восточной Азией у европейцев¹⁴, что национальную историю вообще «можно рассматривать как одну из самых успешных статей европейского экспорта во все четыре части мира»¹⁵. Однако, присоединяясь к такому выводу нужно признать, что в средневековом восточном историописании была иная традиция конструирования прошлого. Не могли же историописатели Востока с конца XIX в. «копировать» у европейцев то, что в их интеллектуальном пространстве давно было? Конечно, можно обратиться к конкретизации концепта «национальная история»: «средневековая национальная история», «восточная национальная история», «средневековая китайская национальная история», «национальная история Раннего Нового времени» и т.д., и вероятно, такая практика расширения и/или уточнения концептуального аппарата частично упорядочит историографический дискурс, но только в том случае, если использующий их историк в состоянии будет внятно объяснить, чем характеризуются выбранная им практика «национальной истории».

Исследователи уже давно обратили внимание на различие европейской национальной истории XVIII в. и национальной истории последующего – XIX в. Г. Кон одной из важнейших черт «национальной истории» XIX в. назвал ее националистический характер. В частности, он отметил разницу в российском историописании второй половины XVIII – начала XIX в. – в любительской истории М.М. Щербатова и в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, – заключив, что «История» Карамзина является примером перехода к «бездушному национализму»¹⁶. Сегодня историки также пытаются

¹³ Berger S. National Historiographies in Transnational Perspective: Europe in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Storia della Storiografia. 2006. N 50 (2). P. 3.

¹⁴ Woolf D. Of Nations, Nationalism, and National Identity... P. 75.

¹⁵ Berger S., Conrad C. The Past as History: National Identity and Historical Consciousness in Modern Europe (Series Writing the Nation). N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 17-18.

¹⁶ Kohn H. Die Idee des Nationalismus... S. 546-547.

различить национальную историю эпохи Просвещения и национальную историю первой половины XIX в., связанную со строительством национальных традиций в европейских обществах. Как отмечает С. Бергер: «Современные национальные мастер-нарративы в Европе появились с конца XVIII – начала XIX века, в большей степени, как прямой ответ на политические кризисы, вызванные Французской революцией»¹⁷. В научном исследовании «Прошлое как история: национальная идентичность и историческое сознание в современной Европе», С. Бергер и К. Конрад структурно разделили историографические традиции, связанные с написанием национальных историй XVIII и XIX вв.¹⁸ Современные исследователи замечают, что многие тропы, сюжетные линии и т.д., присущие национальным историям XIX века могут быть найдены в исторических произведениях, написанных еще в Средневековье¹⁹ и Раннее Новое время²⁰. Такие выводы правомочны, но это не снимает вопрос, связанный с уточнением понятия «национальная история», а просто оставляет его открытым. В этой связи представляется целесообразным актуализировать важные черты историописания, демонстрирующие складывание и трансформацию современной видовой структуры национальной истории.

Невнимание к различию национальной истории второй половины XVIII в. и национальной истории XIX в. не позволяет историкам делать важные уточнения. Например, в российской историографии роль М.Т. Каченовского и «скептической школы» традиционно определяется (кроме их нового отношения к историческим источникам) борьбой с устаревшими формами исторического знания («с историческими воззрениями XVIII в.»²¹ или разрушением «старого, отжившего в науке»²²). С этим нельзя не согласиться. Однако актуализация внимания на различии национальной истории первой половины XIX и второй половины XVIII века позволяет уточнить, что представители «скептической школы» выступили не только против «устаревшего», но и против того, чего еще не было в XVIII в. – против утверждающегося в классической европейской историографии нового вида историописания – национально-государственного нарратива.

¹⁷ Berger S. National historiographies in Transnational Perspective... P. 3.

¹⁸ Berger S., Conrad C. The Past as History... P. 28-79, 80-139.

¹⁹ Ibid. P. 6.

²⁰ См.: Высокова В.В. Национальная история в британской традиции историописания эпохи Просвещения: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015.

²¹ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. С. 234.

²² Историография истории России до 1917 г.: учеб. для студ.: в 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 248

Не все историки согласны с расширительным толкованием понятия «национальная история», а значит – с отсутствием строгости в его употреблении. По крайней мере, Л.П. Репина проекты о национальном прошлом XVIII в. назвала «государственно-историческими»²³, а А. Лиакос дал им название «преднациональной истории», так как они отличаются от национальной истории XIX–XX вв. любительским характером²⁴. Выражая согласие с желанием историков разграничить виды историописания XVIII и XIX вв., следует принять во внимание трансформацию традиции обращения к национальному прошлому в этот период. В данном случае, под *трансформацией* понимается не простое обновление или постепенное изменение, а преобразование структуры, способа историописания и целевой направленности национальной истории. В следующем разделе будет рассмотрен вопрос, связанный с определением представляющегося наиболее корректным подхода к нарратологическому аспекту изучения форм историописания, а также проблема формирования системы видов основных историографических источников, позиционировавших российскую историю в контексте подобных видов в национальных историографиях Западной Европы второй половины XVIII в.

II. Формирование системы видов исторических нарративов о российской истории

В XVIII веке в России, как и во всей Европе начинает формироваться современная структура исторического знания, которая будет трансформироваться в исторических культурах XIX и XX вв. В это время в российской историографии появился широкий спектр произведений по национальной истории, написанных историками, писателями, чиновниками, учителями, священниками, императрицей и т.д. Современные исследователи, изучающие историографию, следуют по давно намеченному пути расширения и уточнения социокультурных факторов историописания, выявления и структурирования тематической специфики исторических произведений. Чаще всего историография изучается посредством канонических фигур, писавших о национальной истории авторов или с точки зрения их вклада в формирующийся национальный исторический мастер-

²³ Репина Л.П. «Национальные истории» и концепции «истории как науки»: проблема совместимости // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследство. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 77.

²⁴ Liakos A. The Canon of European History and the Conceptual Framework of National Historiographies // Transnational Challenges to National History Writing // eds by M. Middell, L. Roura. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 316.

нарратив. Например, Н.Л. Рубинштейн в «Русской историографии» (следует учитывать, что это учебное пособие), писал, что в историографии XVIII века нужно выделять, в первую очередь, В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера и М.М. Щербатова. У остальных «попытки исторического повествования переходят в чисто литературные упражнения. Их авторы – журналисты <...>, любители <...>, но не ученые, и их труды лишены научного значения»²⁵.

Исследователи историографии редко указывают виды нарративов, в которых было представлено историческое знание, следуя практике обозначения сочинений историописателей: «работа», «труд» или «произведение». Например, «das *Werk* [здесь и далее выделено мной – С.М.] Gibbons», «*Niebuhrs Werk*»²⁶, «*great work* Montfaucon», «*Schlozer's best-known work*»²⁷. Крупнейший специалист по русской историографии XVIII века С.Л. Пештич отмечал: «Вольтер, начиная *труд* о Петре», «*труд* Миллера “Краткое известие о начале Новгорода”», «*произведение* Ф. Эмина», «*произведение* Крестинина»²⁸ и т.д. В современном учебнике по историографии тоже встречаем: «большой *труд* “Ядро российской истории”», «*труд* Миллера», у «фундаментального *труда* “История Российская от древнейших времен”» и пр.²⁹ Вполне понятно, что употребляемые по отношению к историческим произведениям понятия, позволяют конструировать процесс расширения пространства исторического знания, но не дают возможности производить их историографический анализ.

В исторической науке в целом, а затем и в истории истории стало традиционным систематизировать исторические произведения по *жанрам*. Об этом свидетельствует статья «История» в издававшемся в Германии в последней четверти XX века «Словаре основных исторических понятий» (в 8 т.). Понятием «жанр» здесь называется сама история (в отличие от литературы) и исторические произведения, в зависимости от их структурно-композиционного построения³⁰.

²⁵ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: ОГИЗ, 1941. С. 92.

²⁶ Ritter M., von. Die Entwicklung der Geschichtswissenschaft an den Führenden Werken Betrachtet. München; Berlin: Verlag von R. Oldenbourg, 1919. S. 308, 342.

²⁷ Thompson J.W., Holm B.J. A History of Historical Writing: in 2 vols. N.Y.: The MacMillan Co, 1942. Vol. II [The Eighteenth and Nineteenth Centuries]. P. 25, 123.

²⁸ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века: в 3 ч. Л.: ЛГУ, 1961-1971. Ч. II. С. 199, 220, 61, 320.

²⁹ Историография истории России до 1917 г.: учеб. для студ.: в 2 т. / под ред. М.Ю. Лачаевой. – М.: ВЛАДОС, 2003-2004. Т. 1. С. 92, 122, 162.

³⁰ Понтеру Х., Козеллек Р., Майер К., Энгельс О. История (Geschichte, Historie) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т.

Отечественные историки используют это понятие уже довольно давно. Жанровый подход применяли О.Л. Вайнштейн и М.В. Нечкина³¹, а в начале XXI века выделяют жанры исторических работ и некоторые соискатели научных степеней³².

Специалисты в области истории истории до сих пор четко не отрефлексовали смысл употребляемого по отношению к сочинениям историописателей понятия «жанр». Часто жанрами называют темы исторических произведений или исследование отдельной направленности (в том числе территориальной). М. Филлипс, выделяет такие жанры: «история коммерции» (напр.: Anderson A. Historical and Chronological Deduction of the Origin of Commerce (1764)), «история женщин» (напр.: Alexander W. The History of Women... (1799)), «предположительная история» (напр.: Ferguson A. Essay on the History of Civil Society (1767))³³ и др. В современной «Оксфордской истории историописания» применительно к историографическому пространству XVIII века можно встретить жанры: «genre of universal history», «genre of Landesgeschichte», жанром названа династическая история³⁴ и т.д. Современные российские историки нередко употребляют понятие «особый жанр» без его четкого пояснения³⁵, даже в тех случаях, когда авторы изучаемых ими произведений четко рефлексовали о цели их создания. Например, современный исследователь отмечает: «Став историком церкви, митрополит Платон был вынужден <...> создать особый жанр»³⁶. Уместен вопрос, почему «Краткая церковная российская история» – это «особый жанр»? В «Истории» митрополита Платона имеется четкое целеполагание

Т. 1 / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. М.: НЛЮ, 2014. С. 45-239.

³¹ См.: Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М; Л.: Наука, 1964. С.457; Нечкина М.В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. М.: Наука, 1965. С. 10.

³² См., напр., Игишева Е.А. Политическое развитие Урала в 1920-е гг. в отечественной историографии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. С. 18.

³³ См.: Phillips M.S. Society and Sentiment: Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820. – Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 161, 164, 171.

³⁴ The Oxford History of Historical Writing: in 5 vols. Vol.3: 1400–1800 / ed. by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 373, 493, 307, 320.

³⁵ См.: Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 242.

³⁶ Артемьева Т.В. Идея истории в России XVIII века. Философский век: альманах. Вып. 4. СПб., 1998. С. 160.

труда, он указал, что желает, чтобы его книга «послужила к пользе и наставлению юношества, в духовных училищах наших обучаемого»³⁷, т.е. автор позиционировал перед читателем форму своего произведения – *учебная книга*.

Надо заметить, что среди представителей литературной теории уже давно появилось сомнение в отношении категории «жанр»³⁸. Как отмечает современный историк А. Хауми, несмотря на существующую критику жанров, «в историографии этот вопрос вообще игнорируется». В номенклатуре жанров необходимо разобраться «так как выбор тем или иным исследователем одного из них «является результатом решения о способе, с помощью которого организуется знание о прошлом»³⁹. Пока же, жанровый подход к систематизации историографии оказывается очень неконкретизированным. Исследователи употребляют понятие «жанр»: 1) к темам исторических произведений, 2) к практикам историописания, 3) к формам исторического письма; но при этом, не задумываются, что форма и содержание историописания – разные вещи. Категория «жанр» не лучший помощник для анализа исторических произведений, а значит – для выполнения строгого историографического исследования.

Следует обратить внимание на нарратологическую проблему, связанную с формами историописания в XVIII веке. Интерес представляет не наше исследовательское желание присвоить тем или иным произведениям какие-либо номенклатуры жанров, а рефлексия самих авторов о выбранной форме повествования, их обращение к невидимому читателю, а затем уже – обнаружение нами в процессе анализа нарративных «меток», с помощью которых позиционировался вид произведения, а также его возможное влияние на национальную, государственную или локальную идентичность.

Манифестируемая авторами XVIII века цель историописания, а также экспликация исторического контекста позволяют в *предметном поле источниковедения историографии* проводить процедуру классификации историографических источников, свойственных исторической культуре второй половины XVIII века, выявлять трансформацию видов историографических источников в изменяющейся исторической культуре.

³⁷ Платон (Левшин), митр. Краткая церковная российская история. М.: Синод. тип., 1805. С. I, X.

³⁸ См., напр.: Derrida J. The Law of Genre / Jacques Derrida // Critical Inquiry. 1980. Vol. 7. No. 1. P. 55-81.

³⁹ Jaume A. Rethinking Historical Genres in the Twenty-First Century // Rethinking History: The Journal of Theory and Practice. 2015. Vol. 19. No. 2. P. 145, 149.

Источниковедение историографии, позиционируемое Научно-педагогической школой источниковедения⁴⁰, смотрит на произведение историка, как на объективированный результат его творческой активности, преследуя цель проведения наиболее корректной оценки информационного потенциала историографического источника. В настоящем случае акцентируется внимание на базовом принципе современного источниковедения – важности выявления видовой специфики историографического источника⁴¹. Систему видов историописания можно вполне плодотворно изучать в предметном поле источниковедения историографии. Последнее востребует метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории. Объект обозначенного этого предметного поля – система видов историографических источников (произведений историков), а предмет – порождение и функционирование историографического источника в научном познании и иных социальных практиках⁴².

Сегодня мало кто усомнится, что, изучая практику историописания того или иного историка, необходимо учитывать в произведении какой видовой принадлежности она была выражена – большой (полной) национальной истории, очерках по истории, научной статье, учебной книге по национальной истории (помимо присущих историографии XIX–XXI вв. видов: монографий, диссертаций и др.).

Каждый продукт человеческого интеллекта структурирован своей целью. Поэтому произведения авторов историй функциональны, они несут в себе обозначение своей функции в системе исторического знания, поскольку цели, которые ставили себе историописатели, приступая к написанию больших (полных) национальных историй, учебных книг по национальной истории и т.д., не могли быть одинаковыми. Рефлексия о системе видов, в которой каждый из них занимает определенное место, предоставляет нам возможность представить каждый вид как сравнительную категорию, которую плодотворнее анализировать при сравнении с иными видами.

⁴⁰ См.: Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница науч.-пед. школы / редкол.: Д.А. Добровольский и др. Электрон. дан. М., сор 2010-2019. Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru/>, свободный.

⁴¹ См.: Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. (2-е изд.). М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. С. 505-559.

⁴² Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Источниковедение историографии // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2014. С. 203.

Историческая культура XVIII века, если использовать терминологию Ф. Артога о режимах историчности, воспринимала исторический процесс в виде временных рамок, в которых «случались» те или иные события⁴³. Князь М.М. Щербатов, зависимость от временных «рамок» модель историописания берет у Д. Юма, отмечая, что это «великая цепь событий», в которую скрупулезно вставляются случившиеся во времени явления («коснуться каждого звена оных»)⁴⁴. В режиме историчности, в котором работали историописатели XVIII века, доминирует представление о возможности получения из знания о прошлом поучительных примеров для настоящего, как писал И.П. Елагин, история – кладезь примеров, она помогает «открывать добродетель к подражанию и порок к отвращению»⁴⁵. Такой дидактичностью была пронизана вся историческая культура эпохи.

Уже в XVIII в. – в период складывания европейской классической модели исторической науки, особую роль в исторической культуре стала выполнять большая –многоотомная национальная история – *большая история* («большой нарратив») о национальном прошлом. В России она получает название – *полная [российская] история*. Именно так в начале XVIII в. ее назвал Ф.А. Куракин, а затем также В.Н. Татищев и, уже во второй половине века в «Опыте исторического словаря русских писателей», Н.И. Новиков⁴⁶.

Большие истории о национальном прошлом, например, британца У. Робертсона или кн. М.М. Щербатова, демонстрируют, что обращение авторов к национальному прошлому в немалой степени было вызвано интересом к общему (по крайней мере – европейскому), они старались рассмотреть то, как общие нормы и универсальные ценности претворяются в истории их народа или государства. Неслучайно, Уильям Робертсон, начиная многоотомную «Историю Шотландии» обратил внимание на весь «грубый и невежественный» в прошлом север Европы и описывал деятельность не только «сво-

⁴³ Артог Ф. Мировое время, история и написание истории // Крыніца-знаўства і спецыяльная гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3 / рэдкал.: У.Н. Сідарцоў і інш. Мінск: БДУ, 2007. С. 14.

⁴⁴ Щербатов М. [М.] История российская с древнейших времен: в VII т. [15 ч.]. Т. I. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1770. Т. I. С. XV.

⁴⁵ Елагин И.[П]. Опыт повествования о России: сочинение Ивана Елагина, начатое на 65-м году от его рождения, лета от Р.Х. 1790, Двора его императорского величества обер-гофмейстера. Кн. 1. М.: Универ. тип., 1803. С. IX.

⁴⁶ См.: Архив кн. Ф.А. Куракина: в 10 кн. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1890. Кн. 1. С. 42.; Новиков Н.[И.] Опыт исторического словаря о российских писателях, с разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий. СПб.: Тип. Н. Новикова, 1772. С. 250.

их», но и континентальных монархов⁴⁷, а М.М. Щербатов в начале своего многотомного труда написал: «...Я пишу в такое время, когда Россия просвещением своим равняется со всеми другими европейскими государствами»⁴⁸. В своей «Истории» он не замыкался только в национальном прошлом, а старался, где это получалось, помещать его в европейский контекст.

В больших национальных историях актуализировались вопросы о территории (см., например, у Ф.А. Эмина⁴⁹), о периодизации (например, у И.П. Елагина⁵⁰, в «Истории» М.М. Щербатова она отчетливо выступает в общей структуре работы⁵¹), а также выстраивалась линейность исторического рассказа (перешедшая в рационалистическую историографию из христианской модели историописания), позиционируемая в качестве последовательности изложения событий прошлого. Рефлексию о линейности можно найти в «Опыте» И.П. Елагина, заметившего: «Я разделяю сочинение мое на книги, по мере цепи приключений, дабы взаимная одного времени связь деяний без окончания не прерывалась»⁵².

Национальные истории второй половины XVIII в. в Европе явно позиционировали универсальность опыта прошлого и, такой способ историописания современные исследователи иногда объясняют «космополитическим подходом к вопросам национальной истории»⁵³. Универсализм в исторической культуре этого периода был связан с верой в неизменность природы самого человека независимо от времени и культуры, в которой он жил. Например, Екатерина II в многотомных «Записках касательно российской истории», указы-

⁴⁷ См., напр: Robertson W. History of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI // The Works of William Robertson: in 10 vol. Vol. 1. L.: T. Tegg, 1826. P. 1, 76-83.

⁴⁸ Щербатов М.[М.] История российская с древнейших времен... С. XV.

⁴⁹ Ф.А. Эмин писал: «все почти европейские народы должны искать своих праотцов в землях ныне России принадлежащих», «нынешняя Российская империя величиной своей превосходит <...> древние [Дария и Александра] монархии» (см.: Эмин Ф.[А.] Российская история жизни всех древних от самого начала России государей / сочиненная Федором Эминым: в 3 т. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1767–1769. Т. I. С. XLII, 3).

⁵⁰ И.П. Елагин выявлял на протяжении четырех страниц своего труда периоды истории России, называя их «корни времени» (см.: Елагин И.[П]. Опыт повествования о России... С. XLVI–XLIX).

⁵¹ См.: Щербатов М. [М.] История российская с древнейших времен...

⁵² Елагин И.[П]. Опыт повествования о России... С. XIV.

⁵³ См., напр.: O'Brien K. Narratives of Enlightenment: Cosmopolitan History from Voltaire to Gibbon / Karen O'Brien. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 12.

вала: «... Род человеческий везде <...> имел страсти, желания, намерения и к достижению употреблял не редко одинакие способы»⁵⁴. А в «Опыте» по истории России, И.П. Елагин писал так: «Известно мне, что сердце человеческое всегда одинако, и то же ныне, каково было от самых веков начала. Я ведаю, что теж добродетели и теж пороки и страсти присущи и ныне в Петербурге и в Москве, какие в Афинах и Риме существовали. Не изменение сердец, но больше меньше просвещения и невежества творят нравов разновидность <...>. Иоанн в Москве таков же тиран, каков Нерон был в Риме. Каков тамо возмутитель Катилина и мятежны трибуны; таков и у нас Хованской и головы стрелецкие. Как безрассудна и буйственна необузданная чернь в ветхой Италии, так равно и в Руси возмущенный народ слеп и кровожаждуш»⁵⁵.

В России во второй половине XVIII века большая история была представлена в первую очередь «Российской историей жизни всех древних от самого начала России государей» Ф.А. Эмина и «Историей российской с древнейших времен» кн. М.М. Щербатова. Только две части (с древнейших времен до 1054 г.) из задумывавшейся полной русской истории успел написать М.В. Ломоносов, а восемь из девяти частей «Опыта повествования о России» И.П. Елагина остались не изданными. Кроме того, И.П. Елагин писал не столько полную русскую историю, сколько *испытывал* свой взгляд на нее в очерковой форме «опыта». Автор [Екатерина II] «Записок касательно российской истории», используя очерковую форму подачи исторического материала, подготовил учебную книгу (книгу для чтения) для юношества (об этом виде историописания, см., ниже).

Возвращаясь к выше приведенному замечанию, о космополитическом подходе историописателей XVIII века к вопросам национальной истории, все же нужно иметь в виду, что такое замечание будет более понятным при сравнении текстов больших национальных историй этого периода с национально-государственным нарративом следующего XIX столетия.

Конечно, историописатели XVIII века никогда не теряли из вида свой народ. В.Н. Татищев даже выразился о российской истории как о «*своей собственной* [здесь и далее выделено мной – С.М.] истории»⁵⁶, а Д. Юм при случае пытался усилить величие Англии, говоря, что «позиция королевской власти стала основанием англий-

⁵⁴ [Екатерина II] Записки касательно российской истории: в 6 ч. СПб.: Имп. тип., 1787-1794. Ч.1. С. I-II.

⁵⁵ Елагин И.[П]. Опыт повествования о России... С. XXXVII-XXXVIII.

⁵⁶ [Татищев В.Н.] История Российская с древнейших времен... Кн. 1. С. V.

ской конституции и принципом свободы <...>, которым она наслаждается в большей степени, чем в других монархиях», что «можно справедливо подтвердить без всякого преувеличения, что мы на острове наслаждаемся <...> самой большой свободой <...> среди человечества», несмотря на то, что Французская Академия поддерживается королем «именно в Англии появились превосходные гении, обратившие внимание Европы» и т.д.⁵⁷ Интересно проявилось национальное чувство в рассуждении кн. М.М. Щербатова, примерившего пока еще формирующуюся стадильную теорию развития человечества к «своей» истории. «Россия не так, как другие страны, – писал он, – которые по степеням из грубейшего невежества выходили; но можно сказать, что вдруг сделала один шаг из самой грубости, какую кочевой народ может иметь, гораздо к великому просвещению, то есть, что принявши вдруг христианский закон, общее с ним приобрел смягчение с ним своих суровых нравов и письмены, которых конечно прежде не имел»⁵⁸. Однако нужно повториться, – историописатели XVIII в. еще были далеки от практики идеализации истории «своего» народа, которая появится в XIX в.

Большая российская национальная история не являлась однородной по способу использования правил научной организации исторической наррации. Как справедливо отмечал С.Л. Пештич, «в свете научных требований нашего времени Щербатов показал себя более здравым историком, не поддавшимся на соблазнительные источники и не разрешимые в ту пору вопросы»⁵⁹, а, например, в тексте «Истории» Ф.А. Эмина можно увидеть явное желание презентировать удовлетворяющую уже не научным требованиям наррацию. В частности, Эмин возмущился мнением «Издателя лоскутка» (так он назвал небольшую учебную книгу по русской истории для детей А.Л. Шлецёра), «называющего тех сумасбродными, которые Рюрика производят от Августа». Такая мысль, продолжает Эмин, «больше дерзка, нежели критическая; оною и себя не пощадил Издатель онаго сочинения»⁶⁰.

В российской культуре во второй половине XVIII в. стали появляться произведения, которые в своем названии имели слово «записки». Среди исторических произведений это, в первую очередь, упомянутое выше издание Екатерины II «Записки касательно рос-

⁵⁷ Hume D. The History of England, From the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688: in 6 vol. by David Hume Esq. [Reprint Originally published: London: T. Cadell, 1778]. N.Y.: Liberty Classics, 1983. Т. 6. Р. 454, 531, 541.

⁵⁸ Щербатов М. [М.] История российская с древнейших времен... Т. 1. С. II.

⁵⁹ Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. 3. Л., 1971. Ч. 3. С. 64.

⁶⁰ Эмин Ф. [А.] Российская история жизни всех древних... Т. 1. С. XXI.

сийской истории» в шести частях, предназначенные автором для молодого читателя. С одной стороны, «Записки» Екатерины II имеют признаки большой (полной) национальной истории и учебной книги по национальной истории (книги для чтения), но, с другой стороны, присутствующее в названии слово «записки» делает это историческое произведение близким по своей форме к опытам (очеркам). Эту близость демонстрируют некоторые черты, которые были присущи запискам / заметкам.

Авторы записок / заметок часто рефлексируют выбранную форму презентации материала для читателя. Немец А.Ф. фон Нольде в своих «Notizen» сообщает о наличии определенной неполноты при раскрытии сюжетов, фрагментарности изложения материала⁶¹. Философ и будущий президент США Т. Джефферсон в «Notes on the State of Virginia» предупредил читателя об особой композиции рассматриваемых сюжетов, их несовершенстве из-за недостатка информации⁶². В интеллектуальном пространстве Российской империи близкую рефлексию о своих «Записках» для читателя дал украинский историописатель Я.М. Маркович, заключивший: «Невозможно, кажется, и требовать, чтобы сей первый опыт трудов моих был без всяких погрешностей и недостатков»⁶³. Таким образом, исторические записки обладают соответствующими форме ограниченностью источниковой базы, композиционной дробностью (из записок), декларируемой незавершенностью проведенного исследования, изложением от первого лица. Указанные черты присущи очерковой форме историописания.

Екатерина II перед своим трудом поставила сугубо практические цели. Историческую наррацию она посвятила подрастающему поколению, которому следовало читать «правильные» истории, написав: «Сии записки касательно Российской Истории сочинены для юношества в такое время, когда выходят на чужестранных языках книги под именем Истории Российской, кои скорее именовать можно сотворениями пристрастными...». При этом, в качестве основной функции истории она указала на ее методическое значение – «она учит добро творить и от дурного остерегаться»⁶⁴.

⁶¹ Nolde A.F., von. Notizen zur Kultur – Geschichte der Geburtshülfe im dem Herzogthum Braunschweig. Erfurt: Henningeschen, 1807. S. XVI.

⁶² Jefferson T. Notes on the State of Virginia. London: Burlington-House, Piccadilly, 1787. P. 3 (нумер.).

⁶³ Маркович Я.[М.] Записки о Малороссии, ее жителей и произведениях. Ч. 1. СПб.: при Губ. Правлении, 1798. С. 5-8 (нумер.).

⁶⁴ [Екатерина II] Записки касательно российской истории... Ч. 1. С. I, 1.

Своей идеей, которая легла в основу созданных «Записок», Екатерина II хотела продемонстрировать легитимный характер власти, выражающийся в согласии между властью и обществом. Екатерину II в последующем обвиняли в невнимании к простому народу⁶⁵, в том, что она подготовила «фундаментальное научное сочинение», но «полностью уйти от современности Екатерине-историку не удалось»⁶⁶. Кроме того, что эти замечания, не совсем соответствуют сконструированным Екатериной II социально-политическим практикам средневековой Руси, они еще и являются замечаниям к ней как *историку*. Однако Екатерина II была «*другим*» историком. Не надо искать в ее работе «настоящей истории», это другая, социально ориентированная история (об этом типе историописания, см., ниже). Конечно, дискурсивное поведение историописателя Екатерины II с точки зрения *историка* иррационально, но таковым оно является, когда историк смотрит с позиций идеологии сциентизма, резко отрицательно относящейся к «ненаучной» форме мышления, смотрит сквозь призму «своей» научной истории⁶⁷. Поэтому, признание иной формы историописания дает возможность лучше понять разные «истории».

Выбранная императрицей модель «разумного прошлого» в ее «Записках» заняла высшее место в иерархии правил оформления письма истории. Именно она являлась тем фактором, который способствовал выбору направленности описания российских социально-политических практик. Целью Екатерины было не желание приблизиться к истине, чего можно было достичь посредством соблюдения правил, вырабатываемых зарождающейся классической европейской моделью историографии, а «реализация» своей идеи в прошлом, трансляция посредством формы «записок» этой идеи российскому читателю для формирования в его сознании «правильного» отношения к прошлому и существующей (разумной) власти. Важно также отметить, что четвертая часть произведения императрицы имеет другое самоназвание – «*Опыт* [курсив мой – С.М.]. Знаменитые происшествия второй эпохи российской истории от 862 года по 1224»⁶⁸.

⁶⁵ Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. 2. С.262; Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1985. С.161.

⁶⁶ Лосиевский И.[Я.] С пером и скипетром // Екатерина II. Российская история. Записки великой императрицы. М.: Эксмо, 2008. С. 22.

⁶⁷ См. об этом подробнее: Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. «Историописатель второго плана» в истории // Слава и забвение: парадоксы биографики: сб. науч. статей / отв. ред. Л.П. Репина. СПб.: Алетейя, 2014. С. 13-26.

⁶⁸ [Екатерина II] Записки касательно российской истории... Ч. 4.

Как уже приходилось писать⁶⁹, происхождение «опыта» как вида наррации в европейской культуре следует связать с «Опытами» (“Les Essais”, 1580) М. де Монтеня и «Опытами, или Наставлениями нравственными и политическими» (“Essays, or Counsels Civil and Moral”, 1597) Ф. Бэкона. В первых «опытах» появились черты, которые станут маркирующими для авторов, пожелавших позиционировать свое знание в подобном виде произведения, и узнаваемыми читателем: наличие своей (авторской) субъективности – собственного «испытания» выбранных вопросов⁷⁰, а также краткость, популярность и недостаточность нарративной отделки⁷¹. Указанные черты в дальнейшем будут присущи эссеистике. В XIX столетии В.И. Даль в «Толковом словаре» дал «опыту» очень емкое определение: «Опытном многие писатели называли сочинения свои, не признавая их полными, оконченными»⁷².

Переводчики «Опытов» Ф. Бэкона на русский язык, как само собой разумеющееся, в качестве синонима «опытам» предложили слово «очерки»⁷³. В принципе, это уже превратилось в один из топов российской письменной культуры. Вероятно, «опыт» можно рассматривать как разновидность такого вида историописания, как «очерк»⁷⁴, но «опыты» в дальнейшем, начиная с XIX в. имели меньшее, чем собственно «очерк», распространение в историографической культуре России.

В XVIII в. вид наррации под названием «опыт» занимает важное место, в первую очередь среди исследовательской литературы: естественнонаучной, гуманитарной, философской. Например, произведение французского автора Л. Де Бособра «Essai sur le bonheur, ou réflexions philosophiques sur les biens et les maux de la vie humain» бы-

⁶⁹ См.: Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Монография и очерк: опыт сравнительного источниковедческого анализа историографических источников // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной) / отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 343-344.

⁷⁰ Монтень М. Опыты: в 3 кн. / пер. с фр. А.С. Бобович. М.; Л.: АН СССР, 1954-1960. Кн. 1. С. 7.

⁷¹ Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1977-1978. Т. 2. С. 352.

⁷² См.: [Даль В.И.] Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [2-е изд.]. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1880-1882. Т. II (И-О). С. 711.

⁷³ См., напр.: в переводе «Посвящения к первому изданию», читаем: «Это и вынудило меня избрать иной род – кратких очерков [выделено мной – С.М.], примечательных скорее содержанием, нежели тщательностью отделки, которые я назвал «Опытами» (см.: Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические... С. 352).

⁷⁴ См.: Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Монография и очерк... С. 344.

ло переведено на русский язык и издано под названием «Опыт о благополучии или философские рассуждения г. де Бособра о благе и зле человеческой жизни»⁷⁵. Но «опыт» становится и одним из видов историописания. Так, этой формой организации исторического материала воспользовался Вольтер при написании «Опыта по всеобщей истории и о нравах и духе народов от времен Карла Великого и до наших дней»⁷⁶. Выбор мыслителем такого вида историописания был не случайным. Вольтер старался представить собственное *испытание*, пересмотрев уже складывавшуюся европейскую модель всеобщей истории и сформулировав заново ее мировой характер.

Мысли, обращенные к читателю, о форме выбранной наррации, можно найти в «Опыте» (нем.: «Versuch») (о происхождении россиян от араратцев) немецкого автора И.Г. Дрюмеля. Исследователь указывал, что по разбираемому вопросу постарался противопоставить истину заблуждениям⁷⁷. В британской историко-политической литературе этот вид наррации также использовался, – здесь уместно вспомнить работу выдающегося шотландского просветителя А. Фергюсона «Опыт истории гражданского общества»⁷⁸.

Авторы XVIII века объясняли выбор такой формы организации исторического материала рядом причин. П.И. Рычков отмечал, что это первая попытка связно расположить исторический материал о выбранном для исследования объекте (Казанская земля), который «не имеет еще обстоятельной своей истории»⁷⁹. Н.И. Новиков также отметил эту черту: «трудно в первый раз издавать такого рода сочинения» и перечислил некоторые связанные с этой трудностью «погрешности». В итоге, для разбирающегося в формах наррации читателя, автор заключил: «сие то принудило меня в заглавии сея книги написать Опыт исторического словаря о российских писателях»⁸⁰.

⁷⁵ См.: Бособр Л., де. Опыт о благополучии или философские рассуждения г. де Бособра о благе и зле человеческой жизни. СПб.: Имп. Акад. наук, 1791.

⁷⁶ См.: Voltaire F.-M.A. Essay sur l'histoire générale, et sur les moeurs et l'esprit des Nations, depuis Charlemagne jusqu'à nos jours: 8 vol. Genève: Cramer, 1761–1763.

⁷⁷ Drümel J.H. Versuch einer critisch-historischen Ausführung, wie die Russen von den Araratensern, als dem ersten Volcke nach der Sündfluth herkommen. Nürnberg, 1744. S. 5 (нумер.).

⁷⁸ Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. Edinburgh: Printed for A. Millar & T. Caddel, MDCCLXVII [1767].

⁷⁹ Рычков П.[И.]. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1767. С. 5-11 (нумер.).

⁸⁰ Новиков Н.[И.]. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий. СПб.: Тип. Акад. наук, 1772. С. 10-11 (нумер.).

Другой автор «Опыта» о происхождении г. Москвы – М.И. Ильинский, давая «предварительное сведение читателю», обратил внимание на то, что многие вопросы «остались закрыты и неизъяснены». Поэтому по примеру некоторых других русских историков «не осмелился я сие сочинение назвать иначе, как только опытом исторического описания»⁸¹. Авторы опытов указывали и на ограниченность своих возможностей при сборе материала: «предлагаю, сколько можно было собрать»⁸².

Предпринявший первую попытку (для начала 60-х гг. XVIII в.) рассмотрения истории России новейшего времени (а по сути – истории Смутного времени) Г.Ф. Миллер – прекрасно понимал, что такая история еще и (мягко говоря) не совсем подходящая для приучаемого, в первую очередь стараниями М.В. Ломоносова, к триумфальному прошлому России сознания россиян. Г.Ф. Миллер собирался продолжить русскую историю с того момента, на котором закончил «Историю» В.Н. Татищев (Миллер был хорошо знаком с его рукописью «Истории», доведенной до конца XVI в. и подготовил ее к изданию). Он начал «Опыт новейшей истории о России» осторожным объяснением, которое призвано было извинить и смягчить не столько научные трудности, сопровождавшие практику написания «Опыта», сколько возможные политические последствия, которые могут случиться в связи публикацией произведения в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (январь, февраль, март 1761 г., на этом публикация была остановлена). Историк писал: «Вознамерившись описать новейшую Историю о России, которая начинается с правления Царя Бориса Федоровича Годунова и со внутренних безпокойств, изнуривших государство, до благополучного вступления Государя Царя Михаила Федоровича на Российский престол, охотно признаю, что *сие не такое время, которое великолечно представляется мыслям нашим, или которого память достойно бы было выхвалять потомству* [выделено мной – С.М.]»⁸³. Заклучил свое объяснение читателю Г.Ф. Миллер важной для вы-

⁸¹ Ильинский М.[И.] Опыт исторического описания о начале города Москвы, как и по каким причинам она основалась, кем и когда престол великокняжеский туда перенесен; и от чего сей город получил тогда свое возвышение. М.: Тип. А. Решетникова, 1795. С. I-II.

⁸² [Соковкин С.П.] Опыт исторического словаря всех в истинной православной греко-российской вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужах. М.: Тип. И. Лопухина, 1784. С. V.

⁸³ Миллер Г.Ф. Опыт новейшей истории о России // Миллер Г.Ф. Избранные труды; сост., ст., примеч. С.С. Илизаров. М.: Московские учебники и картолитография, Янус-К, 2007. С. 158.

бранной формы историописания (опыт) фразой: «Теперь я должен ожидать, какую *апробацию* [выделено мной – С.М.] иметь будут мои труды...»⁸⁴. «Апробацию» пришлось ждать не долго, вмешательство М.В. Ломоносова остановило дальнейшую публикацию «Опыта» Г.Ф. Миллера.

В.В. Крестинин, представивший историческое произведение в форме опыта воспользовался такой формой наррации, чтобы с позиций рационализма второй половины XVIII в. помочь сформировать местную архангелогородскую идентичность и испытать на примере истории своего локуса одну из важнейших функций практики историописания того времени: согражданам «открыть... недостатки, бывшие в прежние веки, наполненные грубостью и скудостью» и «сим малым трудом» показать «достохвальные к подражанию примеры, верность к престолу, любовь к отечеству и службу»⁸⁵.

Практику *опыта* выбрал для конструирования российской истории и екатерининский вельможа, масон И.П. Елагин. Первоначально, он, как и Г.Ф. Миллер (своим «Опытом новейшей истории») намеревался продолжить «Историю» Татищева (Елагин знал ее опубликованный вариант в 4 кн. до 1462 г.). Начав с 1788 г. писать «Опыт повествования о государях российских, об их царствованиях, от великого князя Иоанна Васильевича третьего всея России самодержца», он довел повествование до 1564 г.⁸⁶ Но затем решил создать новую историческую наррацию – опять в форме опыта, однако уже с древнейших времен (первоначальное название: «Опыт любомудрого и политического повествования о России»⁸⁷) до Ивана III. Таким образом, к своей кончине в 1793 г. он написал 9 частей «Опыта», а посмертно в 1803 г. была издана (его другом А.И. Мусиным-Пушкиным) только первая часть под авторским названием «Опыт повествования о России». В 1819 г. некоторые сановники (в том числе министр духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицын) выступили с инициативой продолжить издание «Опыта» И.П. Елагина, но по сути отрицательный отзыв Н.М. Карамзина (к этому времени издавшему первые восемь томов своей «Истории государства российского») не позволил этот план реализовать⁸⁸.

⁸⁴ Миллер Г.Ф. Опыт новейшей истории о России... С. 163.

⁸⁵ Крестинин В. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1785. С. 5.

⁸⁶ См.: ОР. РНБ. F. IV-34/6.

⁸⁷ См.: ОР. РНБ. F. IV-34/1.

⁸⁸ См., об этом: Моисеева Г.Н. «Опыт повествования о России» И.П. Елагина в оценке Н.М. Карамзина // XVIII век. Л., 1989. Вып. 16. С. 104–109.

В начале своего «Опыта» в коротком «Приношении премудрости» («божественной Софии»), И.П. Елагин заметил, что если читающими будет замечено его усердие в писании, то значит можно «занять пользою праздное их время»⁸⁹. А в пространным «Преуведомлении читателю», автор пояснил, что ранее историки, восхваляя государей, составляли «жития героев наших» и вводили их «во храм незабвенной памяти». Но его история отличается от других тем, что в ней читатель может не найти геройские описания государей и небрежное описание народа («славные Государей деяния, а народа с небрежением»). Нельзя, по его мнению, изображать одними красками Владимира Первого и Ивана Грозного, нельзя одинаково осуждать «мятежного Хованского» и «поборствующего по новгородской вольности Борецкого»⁹⁰. В конце «Преуведомления» он уже в извинительной форме снова актуализирует эту мысль: «да не сочтут меня не привыкшие к такому роду сочинений язвителем бывших государей, которые по закоренелому может быть страху и предубеждению, великими Отцами отечества почитаются, а повествования справедливость инако их описует»⁹¹. Елагин решил *испытать* новую модель истории строительства России, вот почему, выбрал историческую наррацию в форме опыта. Это решение Елагин принял в конце XVIII в., когда уже приближалось время появления новой формы национальной истории – национально-государственного нарратива, призванного формировать национально-государственную идентичность. Через два года после получения звания историографа, в 1805 г. автор первого российского национально-государственного нарратива Н.М. Карамзин, в журнальной статье о некоторых «неприемлемых» положениях изданной части «Опыта» И.П. Елагина, написал, что «никто (до времен Татищева) не смел противуречить Российскому Иродоту [летописцу Нестору], никто не смел отвергать истины, принятой праотцами, утвержденной столетиями; никому не приходило на мысль сомневаться, что Волгские Болгары, Жиды от Казар, Паписты и Греки приходили к Великому Князю [Владимиру Святославиичу] с предложениями о принятии вер их, что Владимир посылал десять мужей благоразумных в разные государства для испытания религий...», пока смелая догадка (навеянная Татищевым) не посетила покойного сочинителя «Опыта повествования о России»⁹².

⁸⁹ Елагин И.П. Опыт повествования о России... С. 4 (нумер.).

⁹⁰ Там же. С. VII.

⁹¹ Там же. С. LVI.

⁹² [Карамзин Н.М.] О. Смелая догадка // Вестник Европы. 1805. Ч. 21. № 10. С. 114-115.

Учитывая, что в неопубликованной части «Опыта» И.П. Елагина присутствовали еще и масонские пацифистские рассуждения, подвергавшие, например, сомнению военный триумф российского государства, содержалась защита автором новгородцев от обвинений их со стороны историков изменниками (за нежелание входить в состав Московского государства)⁹³, нетрудно представить, что эти конструкции могли внести противоречия в формирующийся российский исторический мастер-нарратив с содержащимся в нем набором, уже в целом, непротиворечивых героев и антигероев.

Писавший через полвека после И.П. Елагина – в иной исторической культуре, с присущей ей культом государственной истории, А.В. Старчевский четко уловил те черты изданной части «Опыта», которые противоречили утвердившемуся национальному историческому мастер-нарративу. Он отметил, что Елагин «часто с явным ожесточением описывал русских князей, вельмож, духовенство, отечественных писателей и других <...>, отвергал уже многие древние повествования, как например о мщении княгини Ольги, о приходивших ко Владимиру [Святославичу] проповедниках вер, о посылаемых от Владимира в разные страны для испытания веры и проч.»⁹⁴.

В немецкой и российской книжности XVIII в. близкой к форме опыта выступала еще одна практика изложения исследовательского и учебного материала «*очерк(и)*». Она основывалась на стремлении выделить в поле литературной деятельности форму наррации, в которой *очерчивается* нечто важное. Еще в середине XVIII века В.К. Тредиаковский связал выражение «ограничить очертаниями» с латинским словом «*figura*»⁹⁵. По мнению современных филологов И.В. Ягича и В.В. Виноградова, такая практика письма могла возникнуть в результате перевода на русский язык немецких слов «*Abriß*» и «*Umriß*» (русс. – контур, очертание, начертание, очерк), которые первоначально проникли в среду русских рисовальщиков в XVII в.⁹⁶

В российской очерковой практике историописания второй половины XVIII – 40-х гг. XIX в. в самоназвании книг присутствовало слово «*начертание*». Так, произведение известного немецкого ученого Г. Ахенваля «*Abriß* [выделено мной – С.М.] *der neuen Staats-*

⁹³ См.: ОР. РНБ. Ф. IV-34/5. С. 67, 227 и др.

⁹⁴ Старчевский А.[В.] Очерки литературы русской истории до Карамзина. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1845. С. 193.

⁹⁵ Тредиаковский В.К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою: в 2 т. СПб.: Наука, 2009. Т. 1. С. 294.

⁹⁶ Виноградов В.В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык»; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: ИРЯ РАН, 1999. С. 434-435.

wissenschaft der vornehmen Europäischen Reiche und Republiken» (1749) в России было издано под названием «*Начертание* [выделено мной – С.М.] истории нынешних знатнейших европейских государств»⁹⁷. Несколько позднее, русский историописатель В.В. Крестинин в «Начертании истории города Холмогор» поставил задачу пересмотра некоторых несостоятельных, по его мнению, выводов о древней торговле, осуществляемой городом, и добавил, что *начертание* «служить может... дополнением Исторических моих «Начатков о Двинском народе»⁹⁸ («Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере»). Авторы начертаний манифестировали такие признаки: 1) краткое (но достаточное для усвоения) собственное изложение⁹⁹, 2) ограниченность рассмотренного вопроса («служить может... дополнением»)¹⁰⁰.

В Европе довольно популярным уже в XVII в. становится такой вид исторических произведений как (*краткое*) историческое описание (Beschreibung (нем.)¹⁰¹, Description (фр., англ.)¹⁰², авторы которых старались описать не только прошлое выбранного объекта, но также обращали внимание на его основные признаки: географические, культурные и др. В XVIII веке в период, когда история еще не превратилась в историческую науку (что произойдет в первой половине XIX в.) такая форма презентации неразделенного исторического и географического материала в совокупности с описанием культурных особенностей объектов была очень распространенной. В качестве примера можно привести «Краткое историческое описание Киевопечерской лавры» (1795) С.Г. Миславского¹⁰³.

В российской исторической культуре XVIII века присутствовали исторические произведения научного характера, имевшие в само-

⁹⁷ См.: Ахенваль Г. Начертание истории нынешних знатнейших европейских государств / пер. с нем. Академии Наук переводчик В. Светов. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1779.

⁹⁸ Крестинин В.[В.] Начертание истории города Холмогор. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1790. С. IV-V.

⁹⁹ См.: Ахенваль Г. Начертание истории нынешних знатнейших европейских государств... С. 2.

¹⁰⁰ См.: Крестинин В.[В.] Начертание истории города Холмогор... С. IV-V.

¹⁰¹ См.: Curicken G.R. Der Stadt Dantzig Historische Beschreibung: Worinnen Von dero Ursprung, Situation, Regierungs-Art, geführten Kriegen, Religions und Kirchen-Wesen außführlich gehandelt wird. Amsterdam; Dantzig, 1687.

¹⁰² См.: Piganiol de la Force J.-A. Description historique de la ville de Paris et de ses environs: 10 т. Paris, 1765; Duncombe J. An Historical Description of the Metropolitcal Churh of Christ, Canterury. Canterbury: Simmons & Kirkby, 1783.

¹⁰³ См.: [Миславский С.Г.] Краткое историческое описание Киевопечерской лавры (2-е изд.). Киев: Тип. Акад. Киевской, 1795.

названии слово «*описание*» (напр.: Байер Г.З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города, до возвращения оно под Российскую державу» (1734)), а также произведения, которые относятся к социально ориентированному типу исторического знания, имевшие цель конструирования той или иной идентичности. Так, в многотомном «Историческом описании российской коммерции» М.Д. Чулков, рефлексирова о социальной идентичности российского купечества, ставил цель социализировать их осознанием общего прошлого, а для этого познакомить с историей отечественной коммерции. Как он отмечал, до этого времени купечество «хотя бы и желало, но за невозможностью достаточным сведением о торговле нашей пользоваться не могло»¹⁰⁴. Другой автор, А.Г. Левшин, старался своей исторической нарративной укрепить в светских читателях русскую культурно-религиозную идентичность, поясняя, что его тема (история московского первопрестольного Успенского и возобновления других московских соборов) – частная и «легко может наскучить читателям веселых и забавных сочинений». Но, зачем им нужно знать «долготу и высоту египетских колоссов, и подробное описание перемен с ними бывших от самого их основания»? Кроме того, полезно ли тратить время на «изложителей человеческих любомудрий»? ведь намного полезнее читать «истолкователей истинного благочестия, утвердителей христианской веры и защитителей православия»¹⁰⁵.

В структуре исторического знания России в XVIII в. появляются общие для Европы формы организации исторических нарративов, в которых авторы презентировали те или иные вопросы национальной истории. Конечно, требуют исследования еще такие формы историописания, как: *известия* (исторические), *примечания*, в том числе относящиеся к материалам историографических дискуссий, и некоторые другие. Как можно было заметить, большинство историописателей рефлексировали о своей форме подачи истории, тем самым – участвуя в общей культурной коммуникации с читательской аудиторией и с другими авторами. Из рассмотренных видов историографических источников, наибольшее влияние на формирование

¹⁰⁴ Чулков М. [Д.] Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до настоящего: в 7 т. [21 кн.]. СПб.: Тип. Акад. наук, 1781–1788. Т. 1. Кн. 1. С. 15–16.

¹⁰⁵ Левшин А.Г. Историческое описание первопрестольного в России храма, Московского Большого Успенского собора, и о возобновлении первых трех московских соборов Успенского, Благовещенского и Архангельского. М.: Тип. Мейера, 1783. С. 9–11 (ненумер.).

национальной русской идентичности в этот период оказывали большие национальные истории и истории, выполненные в очерковой форме (об учебной книге по национальной истории, я пишу ниже), в которой было легче позиционировать свой (в том числе и групповой) взгляд на национальное прошлое, прикрываясь при этом шитом «ограниченности» / «незавершенности» выполненной наррации.

Во второй половине XVIII в. российской исторической культуре происходит активное строительство национального исторического мастер-нарратива, «притираются» и становятся в общем непротиворечивыми периоды русской истории, наборы государствообразующих событий, герои и, конечно, антигерои. В этой связи, любопытным примером процесса такой «притирки» служит практика конструирования дославянского прошлого на территории будущей России. Включение сюжетов со скифской, сарматской и историей других древних народов в национально-государственных нарративах XIX века станет само собой разумеющимся, но, в конце 60-х гг. XVIII в. кн. М.М. Щербатов еще не был уверен в правильности такого шага. Помещая этот сюжет в свою «Историю», он вынужден был объяснить этот шаг, так: «...для удовольствия читателей я за полезное рассудил [выделено мной – С.М.] начать мой труд повествованием о старобытном состоянии обладателей России, когда еще они под именем скифов, сарматов и других <...> народов знаемы были»¹⁰⁶.

Несмотря на то, что в последующем специалисты по истории русской истории больше внимания уделяли историкам XVIII века, которые позиционировали научность в своих произведениях, среди русских писателей и читателей второй половины XVIII столетия, да и последующего времени, большей популярностью пользовались истории, авторы которых ставили отнюдь не научные цели и позиционировали иной тип исторического знания.

III. Спор разных типов исторического знания в XVIII веке

В XVIII веке вместе с появлением научного подхода к истории и начала формирования классической модели европейской исторической науки начинается сосуществование как минимум двух типов истории: научного и социально ориентированного. Это объясняется тем, что вместе с развитием научного знания, удовлетворявшего потребность в строгом знании о прошлом, существовала (и существует) потребность в специальном конструировании ориентированного на удовлетворение потребностей социума исторического знания, не

¹⁰⁶ Щербатов М.[М.] История российская с древнейших времен... Т. 1. С. III.

базирующегося на исторической науке (но особым образом востребующего ее фактологию)¹⁰⁷. Так как оба типа исторического знания выполняли в европейских обществах одну задачу – конструирование национальной (а потом национально-государственной) истории и ее трансляцию в общественное сознание, то нередко возникали дискуссии и даже споры между их носителями.

Один из самых ярких споров по вопросам русской истории произошел между профессиональным историком (если такая характеристика уместна для XVIII столетия) Г.Ф. Миллером и историком-любителем М.В. Ломоносовым.

Исторические произведения М.В. Ломоносова представлены разными формами историописания, имевшими целью строительство национальной идентичности, и как виды историографических источников их можно отнести к *материалам историографических дискуссий* – «Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера “Происхождение имени и народа Российского”», к *большой (полной) национальной истории* (осталась незаконченной) – «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года» и к *учебной книге по национальной истории* (книга для чтения) – «Краткий российский летописец». Правда, указанное последним произведение Ломоносова не обязательно предназначалась для детей, по крайней мере, такую цель автор не ставил. Не увидел в этом произведении учебную книгу и современник Ломоносова Вольтер, назвав её «странной запиской»¹⁰⁸. Учебной книгой краткую национальную историю Ломоносова сделала русская культура 1760–1770-х годов.

Исторические произведения Миллера представляли собой научный тип историописания. Это такие историографические источники, как: *научное сообщение* («ученое слово»¹⁰⁹) «Происхождение народа и имени Российского», *научное исследование* (историко-этнографического и географического характера) «Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел», «О народах издревле в России обитавших», *очерк* (научный) «Опыт новейшей истории о России», *научная статья* «О первом летописателе Российском преподобном Несторе,

¹⁰⁷ Подробнее об этом, см.: Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2013.

¹⁰⁸ Прийма Ф.Я. Ломоносов и «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера // XVIII век: Сборник 3. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 181.

¹⁰⁹ Так назвал его автор – Г.Ф. Миллер (см.: [Миллер Г.Ф.] О народах издревле в России обитавших. СПб., 1773. С. 123.

о его летописи и о продолжателях оных», «Предложения, как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве» (публицистического характера) и др.

В своей первой наррации по национальной истории «Краткий российский летописец» М.В. Ломоносов постарался презентовать читателю героическую историю предков, изобразить «Российских предков славных геройски подвиги»¹¹⁰. В это произведение автор включил исторические конструкции о славянах «с королем Пилименом бывши в Трое», о происхождении варягов-россов от (родственных славянам) роксолан, о городе Славенске (предшественнике Новгорода), построенном легендарным князем Славеном и т.д.¹¹¹ Книга Ломоносова получила довольно большое распространение, в первую очередь в практике образования.

В своих исторических работах М.В. Ломоносов использовал в основном позднесредневековые московские, украинские и польские сочинения, а Г.Ф. Миллер, в большей степени, древнерусские летописи и иностранные исторические источники. Рефлексируя о том или ином историческом источнике или историческом произведении, Ломоносов полагался не на критерий возможной «достоверности», базирующийся на практике «критики текста», которая явилась порождением классической модели рациональности, а исходил из «полезности» их сообщений для конструирования *положительного исторического образа России*. Он мог заметить об историко-ведческой процедуре, проведённой Миллером: «...Господин Миллер сию летопись (Новгородский летописец XVII в. П.Н. Крекшина¹¹² – С.М.) за бабьи басни почитает»¹¹³. Таков был его ответ на замечание Миллера об источнике, который использовал Ломоносов: «Новгородскому летописцу, в котором написано, будто Новгород построен во времена Моисеева и Израильской работы (там указан 3099 г. от сотворения мира. – С.М.), никто поверить не может...»¹¹⁴.

¹¹⁰ Ломоносов М.[В.] Краткий российский летописец с родословием. СПб., 1760. С. 3 (нумер).

¹¹¹ Там же. С. 4-6.

¹¹² См.: Лурье Я.С. История России в летописании и в восприятии Нового Времени // Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 43.

¹¹³ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа Российского» // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. / гл. ред. С.И. Вавилов и др.; АН СССР. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1952. С. 27.

¹¹⁴ Миллер Г.Ф. Происхождение народа и имени Российского. – СПб.: Примп. Акад. наук, 1749. – С. 14, 52.

Для Ломоносова было вполне очевидным сравнение современных исторических сочинений со средневековыми хрониками и античными произведениями. Он считал, что работа Миллера не основательнее сочинений «европейских славных авторов [древних авторов]». Ломоносов не старался отличить исторические источники от исторических сочинений, о чем свидетельствуют его замечания: «Христофор Целларий примечает», «Страбон говорит», «Несторово, Стриковского и других авторов свидетельство», «Киевского Синописа автор упоминает» и так далее, а самого Миллера он противопоставил летописцу Нестору, Стрыйковскому (польский хронист XVI в.) и «Синопису» (1674 г.)¹¹⁵. Миллер же пытался провести различие между средневековыми источниками и исторической литературой, называя авторов первых или «летописателями», или «писателями средних времён», но часто и позднесредневековых хронистов, и своих современников (собратьев по цеху) именовал «историками», например: «Стриковский, славный польский историк»¹¹⁶. Исследователи, писавшие позже Миллера, тоже еще не всегда задавались вопросом о терминологическом значении типов историописательства. Так, кн. М.М. Щербатов в одном предложении мог назвать «летописателем» и позднесредневекового хрониста, и историков XVIII века. «Российские летописатели, – написал он, – следуя, что касается до хронологии, польскому летописателю Стриковскому...»¹¹⁷.

Г.Ф. Миллер применял приемы критики источников, определяя их «достоверность» не просто при помощи рациональной процедуры «возможности произошедшего», но и исходя из определения времени возникновения исторического источника, отдавая, например, предпочтение летописи Нестора перед более поздним сочинением московской поры, подчеркивая: «Новгородский летописец ошибочно называет Гостомысла Князем, так как Нестор пишет о нем как о старейшине»¹¹⁸. В целом положительно отзываясь об исследовательской практике В.Н. Татищева, который слышал списки летописей и сводил в один текст, Миллер все-же отметил: «с довольною ли осторожностью сложены разные речения списков и всегда ли справедливейшие из них выбраны»¹¹⁹. Применяемый Миллером подход к ис-

¹¹⁵ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера... С. 19-42.

¹¹⁶ Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996. С. 5, 16, 355; Его же. О народах издревле в России обитавших. СПб., 1788. С. 32-36.

¹¹⁷ Щербатов М.[М.] История российская... Т. 1. С. 116.

¹¹⁸ Миллер Г.Ф. Происхождение народа... С. 52.

¹¹⁹ Миллер Г.Ф. О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оныя // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России... С. 6.

торическим источникам вполне вписывался в практику современной ему рационалистической историографии. Например, почти в эти же годы известный французский ученый Н. Фрере советовал больше доверять тем источникам, авторы которых были более близки ко времени описываемых исследователем событий¹²⁰.

Можно заметить разницу в *документальной фазе* историографических операций и в *объяснительных* стратегиях оппонентов. Ломоносов не всегда следил за логикой своего объяснения и не сверял между собой те произвольные изменения, которым подвергал сообщения исторических источников, например, заменяя летописных «старцев градских» на «старых городских начальников»¹²¹, т.е. княжеских чиновников. Пытаясь отстоять один из элементов старой московской культуры от нападков рационалистической историографии Ломоносов упорно защищал и свою источниковую базу, заявляя: «сего древнего о Славенске предания ничем опровергнуть нельзя», и, несмотря на то, что больше никакие исторические источники этого не подтверждают, подчеркивал, что сообщение о Славенске и Русе «само собою стоять может, и самовольно опровергать его в предосуждение древности славенороссийского народа не должно»¹²². Надо заметить, что уже В.Н. Татищев вполне определенно отзывался об авторе сочинения, на которое ссылается Ломоносов: «Колико сей сказатель, или паче враль, вероятия достоин, я толковать оставляю, но довольно того, что он никакого древнего свидетельства на то не покажет»¹²³.

Напротив, Миллер требовал точности в восстановлении исторических событий, стремился избегать всего, что ни по каким историческим известиям доказано быть не может. Не создавая крупных обобщений, он обращал внимание на любое сообщение источников и подчеркивал: «Должность истории писателя требует, чтоб подлиннику своему в приведении всех <...> приключений верно последовать. Истина того, что в историях главнейшее есть, тем не затмевается, и

¹²⁰ См.: Fréret N. Sur l'origine & le mélange des anciennes Nations, & sur la manière d'en étudier l'histoire // Histoire de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres, avec les Mémoires de Littérature tirés des Registres de cette Académie, depuis l'année MDCCXLIV jusques et compris l'année MDCCXLVI. Vol. XVIII. P., 1753. P. 51.

¹²¹ См.: Ломоносов М.[В.] Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1766. С. 113.

¹²² Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера... С. 39.

¹²³ См.: Татищев В.Н. История Российская с древнейших времен... Кн. 1. Ч. 2. С. С. 426.

здоровое рассуждение у читателя вольности не отнимает»¹²⁴. «Здоровое рассуждение» позволяло Миллеру с рационалистических позиций объяснять некоторые места исторических источников, как, например, летописное сообщение о «призвании варягов», которому он не стал полностью доверяться. Отказавшись от общепринятого взгляда, что варяжские князья были приглашены в Новгород на княжение, исследователь указал: «Но не безрассудно ли, что вольный народ недавно еще пред тем угнетение от чужой власти чувствовавший добровольно выбирает себе государя иностранца». Нет, братьев-варягов пригласили не властвовать, а для защиты от опасности¹²⁵.

У Миллера мы находим рационалистическое объяснение процесса градостроительства; древнерусские города строили не легендарные герои, а конкретные славянские племена, которым они и принадлежали: «Дреговичи построили Дорогобуж», кривичи Смоленск, «полочане – Полоцк», «главный Древлянский город был Коростень» и т.д.¹²⁶ Напротив, Ломоносов нередко ход исторических событий объяснял в обычных для общественного сознания антропоморфных категориях. Он упрекал Миллера за то, что тот «упомяновения не удостоил» первых легендарных градостроителей, добавив, что «надлежало бы ему, предложив о Славене, Русе, Болгаре, Комане, Истере <...> и купно сообщить свое мнение, а не так совсем без основания откинуть»¹²⁷. Русский ученый критиковал Миллера за то, что тот «опровергает мнение о происхождении от Мосоха [внука библейского Ноя] Москвы»¹²⁸. Через некоторое время даже А.П. Сумароков (литературный оппонент Ломоносова) в VII явлении комедии «Ядовитый», высмеет писателей, веривших в происхождение Москвы от Мосоха, написав, что они «разинув рот слушали те твои похождения, которые тебе пригрелись во сне и историю о Мосохе, рассказываемою тобою так ясно и точно, как бы у него был наперсником»¹²⁹.

Таким образом, фаза объяснения в историографических операциях М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера была разной. То же можно

¹²⁴ См.: Миллер Г.-Ф. Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб., 1750. Кн. 1. С. 121.

¹²⁵ Миллер Г.Ф. О народах издревле в России обитавших... С. 91, 102.

¹²⁶ Миллер Г.Ф. Происхождение народа и имени Российского... С. 18.

¹²⁷ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера... С. 38-39.

¹²⁸ Там же. С. 176.

¹²⁹ Сумароков А.П. Ядовитый, комедия // Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, покойного Действительного Статского советника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова: в X ч. М.: Тип. Н. Новикова, 1787. Ч. V. С. 141-178.

сказать о *литературной фазе* историографической операции. Нарративная и риторическая обработка исторического дискурса подчинялись у них разным требованиям. У Миллера они служат объяснению исторических событий, у Ломоносова литературным, риторическим задачам. Он даже советует Миллеру «древних латинских историков необходимо читать должно, а следовательно, и штилю их навывучать»¹³⁰, и труд историка не отделяет от труда писательского.

М.В. Ломоносов уделял пристальное внимание красочности своего рассказа, торжественности стиля описания важных событий. По некоторым примерам видно, что он использовал понравившиеся ему речевые обороты из чужих текстов, незначительно их обрабатывая и подчиняя нуждам своего письма истории. Так, сравнение Вступления к «Древней российской истории» Ломоносова и Proemium (вступления) к «Методу легкого познания истории» Жана Бодена предоставляет возможность заметить такую дискурсивную операцию. Слова русского ученого «Когда вымышленные повествования производят движения в сердцах человеческих, то правдивая ли история побуждать к похвальным делам не имеет силы...?», ни что иное как перефразированная мысль французского историописателя второй половины XVI – начала XVII в. о том, что если люди, награжденные любознательностью наслаждаются даже баснословными рассказами, то какую радость они испытают перед правдивыми фактами?¹³¹

В этой связи стоит обратить внимание на интересный вывод Г.Ч. Гусейнова о риторике М.В. Ломоносова. По замечанию ученого, тот подходил к построению текста точно так, как к строительству своей химической лаборатории или физическому эксперименту, организуя текст в соответствии с точно поставленной целью. Это была система подготовки требуемого эффекта. Гусейнов замечает, что еще в своем учебнике «Риторика» (1748 г., на который историки не обращают должного внимания) Ломоносов настаивал на единых правилах повествования и для эпических поэм и для исторического сочинения, а после них он сразу дал правила построения притчи и басни¹³².

Иной подход для выявления «риторичности» и «научности» в историческом письме XVIII в. предложили Г.В. Можаяева и Н.А. Мишанкина. Проведя лингвистический анализ текстов двух историописателей – М.В. Ломоносова («Слово похвальное блаженным памяти

¹³⁰ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера... С. 24.

¹³¹ См.: Bodini Ioannis. Methodus ad facilem historiarum cognitionem. Genevae: Apud Iacobum Storer, M.DCX [1610]. P. 17.

¹³² Гусейнов Г.[Ч.]. Некоторые особенности риторической практики М.В. Ломоносова // Scando-Slavica. 1994. Т. 40. P. 88-112.

Государю Императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года») и И.И. Голикова («Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России»), они пришли к выводу, дополняющему мысль, высказанную Г.Ч. Гусейновым. Если текст Голикова по функционально-стилистической отнесенности принадлежит к информативно-научному стилю, то текст Ломоносова относится к публицистическому жанру, связанному с эмоциональным моделированием информации, где практически «все синтаксические единицы... носят оценочный характер»¹³³.

Возвращаясь к историческому дискурсу Ломоносова и Миллера, следует отметить, что именно в историографической операции первого ярко проявилось сочинительское его. Он превратил практику отсылки на источники, историческую литературу и их авторов в полемическую игру с оценочными высказываниями. Последнее наглядно показывает текст его известных «Замечаний» на работу Г.Ф. Миллера: «Миллер свои мнения утверждает <...> весьма неприлично», «весьма несправедливо и дерзновенно», «без всякого успеху», «весьма смешным образом», «говорит весьма предерзостно и хулительно», «равно как на показ для смеху». О Г.З. Байере русский учёный заметил, что тот «впал в превеликие и смешные погрешности», «не умнее сказал он», «сии Байеровы перевертки», «он в таком своем исступлении или полоумстве», похож на «некоторого идольского жреца, который, окулив себя беленою и дурманом, <...> дает сумнительные, темные, непонятные и совсем дикие советы» и так далее¹³⁴. В письменной полемике он демонстрировал риторическую, отличную от научной практику ведения спора. Например, замечая оппоненту, что описание Нестором древлян (которые, как известно по ПВЛ жили «звериным обычаем») имеется «только в искаженной летописи Нестора. Ведь даже иноземные писатели признают, что славяне отличались добрыми нравами»¹³⁵. Кроме отношения к полемике, замечание М.В. Ломоносова демонстрирует еще и его стиль отбора сюжетов, подлежащих забвению.

Практика отсылки на авторов исторических сочинений его оппонента Г.Ф. Миллера была для научного стиля вполне корректна.

¹³³ Можаяева Г.В., Мишанкина Н.А. Русская историография второй половины XVIII века: опыт историко-лингвистического анализа // Гуманитарная информатика. 2005. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-istoriografiya-vtoroy-poloviny-xviii-veka-opyt-istoriko-lingvisticheskogo-analiza>.

¹³⁴ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера... С. 19-42.

¹³⁵ Ломоносов М.В. Замечания на ответы Миллера // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. – С. 62.

О средневековых книжниках он замечал: «... Многие писатели употребляли вольность по своему рассуждению иное прибавить, а иное выкинуть». О сочинениях русских историописателей, историограф заключал: «...Преизрядныя сочинения покойнаго господина тайного советника Василия Никитича Татищева», или «... Искусством и прилежанием подобной господину советнику Рычкову» и т.д.¹³⁶

Таким образом, историографические операции оппонентов были разными, неодинаковой была и рефлексия об историческом письме (история положительных, воспитательных примеров – Ломоносов; история сама по себе, не зависящая от практических задач – Миллер). Оказались разными и типы внутридисциплинарной (социальной) коммуникации (слабо аргументированный дискурс с оценочными высказываниями в адрес референтов – Ломоносов; аргументированный дискурс с выявлением компетенции референтов – Миллер). В основе спора лежало разное понимание цели историописания, желание позиционировать разные типы исторического знания.

В литературе уже много писалось о том, что скорее следует отнести литературный стиль М.В. Ломоносова не к начинающему господствовать на европейском, в том числе российском культурном пространстве классицизму, а к предшествовавшему ему барокко. Еще известный советский литературовед Г.А. Гуковский отделил русского ученого от классицизма. М.В. Ломоносов был последним великим представителем европейской традиции культуры Возрождения. «Он воспринял традиции Ренессанса через немецкую литературу барокко, явившуюся в свою очередь наследницей итальянского искусства XV века и французского XVI века. Патетика ломоносовской оды, ее грандиозный размах, ее напряженно-образная, яркая метафорическая манера сближает ее именно с искусством Возрождения», писал ученый¹³⁷. Этот вывод был поддержан другими исследователями, а Г.Н. Моисеева нашла в произведениях М.В. Ломоносова черты «не свойственные рационалистической системе классицизма и сближающие с барочной усложненностью»¹³⁸.

Согласимся с тем, что в творчестве М.В. Ломоносова присутствовали черты барочной культуры. Эти черты несложно вычлени-

¹³⁶ Миллер Г.Ф. О первом летописателе Российском... С. 5; Его же. Предложения, как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве // Там же. С. 16; Его же. О народах издревле в России обитавших... С. 32-36.

¹³⁷ Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века: учеб. для высш. учебн. заведений. М., 1939. С. 108.

¹³⁸ См.: Моисеева Г.Н. Ломоносов // История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука, 1980. Т. 1. С. 529-530.

и в его историописании. Можно показать привязанность М.В. Ломоносова к московскому и польско-украинскому историческим текстам XVI–XVII вв. и на этом заключить, что русский ученый и некоторые другие писатели истории XVIII века относились к практике историописания иначе, нежели было принято в рамках утверждавшейся рационалистической историографии. Но возникает вопрос: почему исторические работы М.В. Ломоносова пользовались определенной популярностью в обществе, которое уже переросло барокко и причалось к вкусу классицизма, а также рационализма?

Если в литературе М.В. Ломоносов и был последним представителем европейского Возрождения, то в историческом дискурсе его голос был не одинок. Не только русский ученый с почтением относился к античной историографии и советовал учиться у древних, но и некоторые другие европейские историописатели. Современный исследователь британской историографии XVIII в. М. Филлипс отмечает, что в середине и второй половине XVIII в. одним из известнейших защитников классической (античной) традиции в историографии был известный ученый А. Смит¹³⁹. Французский современник М.В. Ломоносова и А. Смита маркиз Д'Аргенсон указывал, что у современных историков нет достаточного уважения к правде, в их сочинениях проявился «упадок (decadence) человеческого разума», поэтому идеалом историописательства должны являться древние – Тацит, Ксенофонт, Полибий и другие¹⁴⁰. Под «упадок» французский историописатель подводил рационалистическую историографию и проникновение философских теорий в исторический дискурс. Вспомним, что почти в это самое время Вольтер связывал историческое письмо со временем и обстоятельствами его появления. Теоретизируя над историей, он указывал, что метод и стиль написания у Тита Ливия тяжел, его разумное красноречие соответствует величеству Римской республики, а «почти все, что рассказывает Геродот – баснословно (est fabuleux)»¹⁴¹.

Доверие к древнегреческим и древнеримским авторам и, напротив, критика средневековых книжников и современных авторов являлись чертой культуры Возрождения. Эта связь как нельзя лучше го-

¹³⁹ Phillips M.S. *Society and Sentiment...* P. 39, 64.

¹⁴⁰ Argenson de, M., *Le Marquis. Reflexions sur les historiens François et sur les qualités nécessaires pour composer l'histoire* // *Memoires de l'Académie des Incriptions*. - T. XXVIII. – P., 1761. - P. 628.

¹⁴¹ [Voltaire de] *Histoire* // *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des Sciences, des Arts et des Métiers, par une Société de Gens de Lettres*. - T. 8 (H-IT). – Neufchastel, 1765. – P. 225, 222.

ворит в пользу присутствия в историческом сознании М.В. Ломоносова барочных форм, но на его отношение к истории влияла не только культура барокко. В период начала строительства национальных государств актуализируется тип исторического знания, тесно связанный с общественным сознанием и выполнявший практические задачи конструирования национального прошлого, а также контроля над национальной памятью. Его истоки уходят в эпоху Ренессанса в Западной Европе, а на её востоке в то же самое время книжники подводят идеологический фундамент под строительство Московского государства. По мнению редакторов третьего тома «Оксфордской истории историописания», в европейском интеллектуальном пространстве Позднего Средневековья и Раннего Нового времени уже проявляются яркие не только политические, но даже и национальные черты, в первую очередь, в историописании Западной и Северной Европы, особенно в Англии, Испании, Франции и России¹⁴².

В XVII – начале XVIII в. у М.В. Ломоносова было немало предшественников в западноевропейской, а также в западнославянской и даже южнославянской и восточнославянской исторической мысли. Его европейские современники с чисто практическими целями создавали исторические нарративы. Были и последователи (намного менее знаменитые) и в российской историографии. Таким образом, практика историописания, ориентированная на политические вкусы общества в XVIII в. распространяется по всей Европе¹⁴³.

Представители этого типа исторического знания изучали историю не ради нее самой, а для объяснения настоящего и преследовали цель конструирования и/или «изобретения» национального прошлого¹⁴⁴. Делая предмет своих изысканий прошлое, они транслировали его в современную им жизнь для поучения читателя. Так, в шотландской истории, как замечает В.Ю. Апрыщенко, первая половина XVIII в. – «это период национализма и антикваризма, точнее национализма принимающего форму антикваризма»¹⁴⁵. Интересно отме-

¹⁴² См.: Rabasa J., Sato M., Tortarolo E., Woolf D. Editors' Introduction // *The Oxford History of Historical Writing... Vol.3. : 1400-1800*. P. 12.

¹⁴³ См.: Whittaker C.H. *The Autocracy Among Eighteenth-Century Russian Historians // Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State / ed. by Thomas Sanders*. N.Y., 1999. P. 18.

¹⁴⁴ Verschaffel T. *The Modernization of Historiography in 18th-century Belgium // History of European Ideas*. 2005. Vol. 31. No. 2. P. 135-146.

¹⁴⁵ Апрыщенко В.Ю. *От Просвещения к романтизму: шотландская антикварная традиция и поиски национального прошлого // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной*. М: «Кругъ», 2008. С. 555-557.

тить, что эту же тенденцию в русской культуре отмечал П.Н. Берков, подчеркнувший, что интерес к историческому прошлому России в XVIII в. был связан именно с развитием русского национализма¹⁴⁶.

В данном случае национализм как культурная форма, присущая сознанию европейцев Нового времени, не несёт в себе никакой оценочной характеристики. В России, и в первую очередь, именно у М.В. Ломоносова мы находим желание организовать определенную русскую национальную память. Он защищал и оберегал национальное прошлое от «хулительства», заявляя, что в истории «не должно быть ничего такого, что бы российским слушателям было противно»¹⁴⁷. Он конструировал прошлое при помощи блоков из древней и средневековой истории, выбирал примеры положительного образа России из московской и польско-украинской позднесредневековой литературы, чтобы «соблюсти похвальных дел должную славу». М.В. Ломоносов не мог к прошлому подходить «нейтрально», как того начинала требовать зарождающаяся историческая наука. Значит, спор с ее представителями был неминуем.

Риторичный стиль написания истории М.В. Ломоносовым – это лишь внешняя, барочная литературная обработка конструируемого им текста, а выбранная практика отношения к историческим источникам – не случайная, а вполне отрефлексированная. Она вовсе не говорит о том, что Ломоносов, как писал П.Н. Милоков, оказался «ниже» уровня, который демонстрировал В.Н. Татищев¹⁴⁸. Ведь даже имевший меньше отношения к практике занятий историей, чем М.В. Ломоносов, писатель А.П. Сумароков смог посмеяться над теми, кто уверовал в сообщения польских и украинских позднесредневековых сочинений о Мосохе и Москве.

Здесь уместно обратить внимание на ряд примеров восприятия подходов к описанию прошлого М.В. Ломоносовым и Г.Ф. Миллером некоторыми современниками, российскими просвещенными читателями – авторами, не принадлежавшими к цеху историков, но попробовавшими своё перо на ниве историописательства. Так, академик В.К. Тредиаковский (1703–1769) раскритиковал один из исторических источников, который помогал М.В. Ломоносову выстраивать «доисторическое» прошлое славян (летопись Крекшина), напи-

¹⁴⁶ Берков П.Н. Неиспользованные материалы для истории русской литературы XVIII в. // XVIII век: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1935. Вып. 1. С. 366–367.

¹⁴⁷ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера... С. 196–197.

¹⁴⁸ См.: Милоков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М.: Тип. М.Н. Кушнерев и К^о, 1897. С. 102–103.

сав, что сообщение о строительстве городов славянами в 3099 г. от сотворения мира «есть не право»¹⁴⁹. Напротив, известный правовед (первый профессор права в Московском университете) Ф.Г. Дильтей (1723–1781), совершенно не русский и приглашенный в Россию хлопотами Г.Ф. Миллера, российскую древность представил так же, как М.В. Ломоносов, начав с легендарного князя Славена и со строительства славянами городов в III тыс. до н.э.¹⁵⁰ Отставной военный Ф.И. Дмитриев-Мамонов (1727–1805) свой исторический опыт (так он сам указал) писал уже на основании сюжетов, как Ломоносова, так и Дильтея (правда, рядом с их именами он поставил еще имя летописца Нестора), а поэтому древность славян он начал описывать с библейского Мосоха¹⁵¹.

Скандално известный поэт И.С. Барков (1732–1768), одно время работавший переписчиком у М.В. Ломоносова и под его влиянием полюбивший исторические штудии, на основе его же «Древней российской истории» составил «Краткую российскую историю» (она вошла в издание «Сокращенной универсальной истории» Г. Кураса), в которой не последовал за «баснословием» оригинала и начал изложение российского прошлого с последних веков первого тысячелетия н.э.¹⁵² Наконец, другой известный общественный деятель и архангелогородский историописатель (земляк Ломоносова) В.В. Крестинин (1729–1795), под влиянием рационализма описывая историю г. Холмогоры, критиковал за неточность «догадок» и Миллера, и Ломоносова¹⁵³. Таким образом, не обязательно нужно было быть русским,

¹⁴⁹ Тредиаковский В. [К.] Три разсуждения о трех главнейших древностях Российских, а именно: О первоначалии словянского языка перед тевтоническим. О первоначалии росссов. О варягах – руссах славянского звания, рода и языка. СПб., 1773. С. 119.

¹⁵⁰ Дилтей Ф.Г. Первые основания Универсальной истории с сокращенною хронологиюю в пользу обучающегося Российского дворянства: в 3 ч. М., 1763. Ч. 2. С. 317.

¹⁵¹ [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Хронология, переведенная тщанием сочинителя Философа дворянина, из науки, которую сочинил г. де Шевиньи, дополнил г. де Лимьер для учения придворным, военным и статским знатным особам, с прибавлением к тому Китайской хронологии, подражая Лексикону г. Морери, и Российской хронологии, подражая сокращенной Российской истории г. Ломоносова, начальным семью книгам г. Эмина и несторовой летописи: в 2 ч. М.: Н. Новиков и К^о, 1782. Ч. 2. С. 68-69.

¹⁵² [Барков И.С.] Краткая российская история // Сокращенная Универсальная история содержащая все достопамятные случаи, с приобщением краткой Российской истории. СПб., 1762. С. 357.

¹⁵³ См.: Крестинин В. [В.] Начертание истории города Холмогор. СПб.: Имп. Акад. наук, 1790. С. III-V.

чтобы принять патриотический настрой исторического письма Ломоносова и, напротив, можно было писать «срамные оды», пересыпанные русской ненормативной лексикой, любить свой край, посвящая ему все творческие силы, и при этом сделать выбор в пользу рационалистической позиции в историческом дискурсе.

О полемике Ломоносова и Миллера верно заметил А.Б. Каменский: дело «было именно в понимании научной истины и её значеня». Это был спор не только о норманнской проблеме. Это был спор о существовании и назначении истории, о роли историка и позиции двух ученых в этом вопросе были диаметрально противоположными¹⁵⁴. Не лишним будет напомнить, что еще до начала известного спора Ломоносов критиковал Миллера за некоторые места в его «Истории Сибири» (например, грабежи отрядом Ермака коренных сибирских народов¹⁵⁵), которые по отношению к героям национального прошлого «нескольким похулением написаны»¹⁵⁶. Русский ученый не мог допустить, чтобы такое прошлое помещалось в историю.

Мы подошли к проблеме *целесолагания истории*, которая, как можно догадаться, не обязательно связана с профессионализмом. Так, писателю А.П. Сумарокову импонировал тот подход к истории, который предлагала рационалистическая историография, и перед своими немногочисленными историческими опытами он ставил цель отличную от той, которую демонстрировали труды М.В. Ломоносова. Если практика изучения истории у Сумарокова несла в себе наивный рационализм, то его целесолагание близко к миллеровскому. Сумароков писал: «...во всякой Истории надлежит писать истину; дабы человеки научилися от худа отвращаться и к добру прицепляться. Историк не праведно хулы и хвалы своему соплетающий отечеству, есть враг отечества своего; и бывшее худо и бывшее добро общему наставлению и общему благоденствию служит. Не полезно вымышленное повествование, о ком бы оно ни было. И вредно ложная История тому народу, о котором она: ежели она тем народом допущена или не опровержена, к ослеплению читателей»¹⁵⁷.

¹⁵⁴ Каменский А.Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России... С. 384.

¹⁵⁵ Интересно, но в советской историографии Г.Ф. Миллера будут критиковать за то, что он пытался скрыть «жестокие методы колонизации». – См.: Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I. С. 54.

¹⁵⁶ См.: Протокол Исторического собрания 3 июня 1748 г. // Библиографические записки. 1861. Т. III. № 17. С. 515–517.

¹⁵⁷ Сумароков А. [П.] Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве в 1682 году в месяце маии. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1768. С. 48.

В конце прошлого века Ю.В. Стенник в своем исследовании исторического творчества А.П. Сумарокова привел опубликованное писателем в 1759 г. интересное замечание, словно специально заостренное против ломоносовской модели историописания: «Никто не будет оуждать сочинителя слова похвального в том, что он Героя своего всеми добродетелями, всеми дарованиями украшает, не упоминая его погрешностей. Напротив того, ежели историк, подражая сочинителю слова похвального, подобное употребит ласкательство или, последуя стихотворцу, станет рассказывать превращения, не будет ли сочинение его баснею, без стоп и без рифм составленною»¹⁵⁸.

Целеполагание М.В. Ломоносова иное. Что «соплетать», а что «не соплетать» у него подчинялось формуле «не предосудительно ли славе российского народа будет»¹⁵⁹. Свою роль историописателя он оценивает как великий труд – «велико есть дело». Он прямо говорит, что его задача не просто повествование о прошлом, а конструирование национальной идентичности посредством соединения прошлого и настоящего: «пренося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долгою времени разделила»¹⁶⁰. У него присутствует полная уверенность, в том, что, какой он сконструирует историю своего отечества, такой она и будет.

М.В. Ломоносов, конечно, говорит об объективности: «твердо намеряюсь держаться истины и употреблять на то целую сил возможность», но его практическое отношение к истории ставило «истину» в зависимость от иного – «соблюсти похвальных дел должную славу»¹⁶¹. Ученый не считал приемлемым, чтобы русский читательзнакомился с периодами истории своего государства, разрушающегося под воздействием внутренних смут и, поэтому, привлекал савонников к запрету публикации такой истории¹⁶². Представляется отнюдь не случайным, что при подготовке его работы «Древняя российская история» к изданию А.Л. Шлёцер вынужден был откорректировать обращение «К читателю» и вместо слов о том, что Ломоносов собрал «всё [здесь и далее выделено мной – С.М.] к объяснению

¹⁵⁸ Стенник Ю.В. Сумароков – историк // XVIII век. /отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб., 1996. Сборник 20. С. 29.

¹⁵⁹ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера... С. 41.

¹⁶⁰ Ломоносов М.[В.] Древняя российская история...С. 3-4.

¹⁶¹ Там же. С. 3-4.

¹⁶² Речь идет о предпринятом Миллером опыте написания труда об истории Смутного времени (см.: Миллер Г.Ф. Опыт новейшей истории о России // Сочинения и переводы к пользе и увеселений служащие. 1761. Январь. С. 3-63; Февраль. С. 99-154; Март. С. 195-244), публикация которого была прекращена после жалоб М.В. Ломоносова к К.Г. Разумовскому.

онья служащее», поставил: «*что ему полезно казалось к познанию России прежде Рурика*»¹⁶³.

М.В. Ломоносов возложил на себя определенную социальную функцию и ответственность за отбор, сохранение или забвение исторических сюжетов. По сути, он реализовывал политику памяти, определяя, что достойно сохранения, а что забвения. Он пытался вселить уверенность в исторической славе, исконной исключительности в самознании формирующейся нации. Именно Ломоносов выступил с инициативой отказа в публикации («печатать непристойно») исторической статьи украинского ученого Г.А. Полетики «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России и о нынешнем оных состоянии» в журнале «Ежемесячные сочинения» (потому, что по словам М.В. Ломоносова «в оной с X в. после Рождества Христова по XVIII в. ни о каких школах в России не упомянуто»¹⁶⁴). Напомним, что через несколько лет, в 1761 г. по инициативе М.В. Ломоносова будет оставлена публикация научной статьи Г.Ф. Миллера (см. в разделе II).

Для российской исторической памяти социально ориентированная практика историописания М.В. Ломоносова была не нова. Московские книжники находили славянскую «славу» еще в III тыс. до н.э., определили «сродство» императора Августа с князем Рюриком, которого вместе с варягами вывели от «своих» и т.д. В последней четверти XVII в. московская историческая конструкция приняла удары наукообразного польско-украинского исторического нарратива (с набором не менее героических сюжетов о славянах) и почти без сопротивления включила в себя ряд мифологем (происхождение названия «Москва» от библейского Мосоха и «руси» от «своих», строительство Киева в V в., династия Кия и т.д.), привнесённых многократно тиражируемым (типографским путём с 1674 г.) киевским «Синописом». Однако уже со второй четверти XVIII в. устои формирующейся русско-украинской социальной памяти с рационалистических позиций всё сильнее стали колебать Г.З. Байер, В.Н. Татищев, а затем и Г.Ф. Миллер. Они, говоря словами Ф. Ницше, стали «оскорблять некоторые национальные святыни» ради нового знания¹⁶⁵, ради научной истории, рационально добывавшейся «истины».

¹⁶³ Вознесенский А.В. Неизвестный вариант издания «Древней Российской истории» М.В. Ломоносова // XVIII век. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века / отв. ред. А.М. Панченко. Л., 1989. Сборник 16. С. 217.

¹⁶⁴ Литвинова Т.Ф. Григорий Андреевич Полетика: «Публичный интеллектуал» второй половины XVIII в. // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2015. № 2 (6). С. 82-83.

¹⁶⁵ См.: Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. - М.: Мысль, 1990. - Т. 1. - С. 175-176.

Для власти и значительной части российской интеллектуальной элиты нужны были примеры «похвального» исторического опыта. В новом социокультурном пространстве возникла потребность создания «нужной» для Империи идентичности и, неслучайно, в России историописание становится государственным занятием. Но, поскольку никакая идентичность «не является естественно заданной, — то она должна вырабатываться через усилия интеллектуалов, политиков и общественных активистов»¹⁶⁶. Происходит актуализация барочных сюжетов московских, украинских и польских текстов. Эти тексты вносил в современность не только М.В. Ломоносов, но он стал последовательно проводить политику отбора уже известных и создания новых элементов прошедшего. Тем самым, его работа над прошлым была иной, нежели того требовала зарождающаяся научная практика. Именно с ней он и развернул спор, в котором пытался отстоять старые московские, украинские и польские социальные представления и сконструировать «нужную» историческую память россиян, посредством механизма нарратива. К примеру, кому из русских XVIII века, не понравилась бы подобная операция М.В. Ломоносова с прошлым: «К доказательному умножению славянского могущества не мало служат походы от Севера готов, вандалов и лангобардов. Ибо <...> немалую часть воинств их славяне составляли; и не токмо рядовые, но и главные предводители были славянской породы. И так ныне довольно явствует, коль велико было славянское племя уже в первые веки по Рождестве Христовом»¹⁶⁷?

Вместе с профессионализацией исторического знания, начиная с XVIII в., историография с одной стороны начала борьбу с социально мотивированным «ложным» истолкованием прошлого, с другой стороны, она стала (и это вполне объективный процесс) отрываться от общественного исторического сознания. Как видим, уже в середине XVIII в. у нее наметились разрывы и с групповыми ожиданиями российского общества. Историописатели-любители редко не называли имя М.В. Ломоносова, а Г.Ф. Миллера могли не упомянуть даже там, где этого требовали правила построения исторического текста. Например, М.Д. Чулков в многотомном «Историческом описании российской коммерции» неоднократно упомянул Ломоносова при описании древних новгородских порядков (хотя тот специально не занимался этой темой), но Миллера не назвал. При этом Чулков,

¹⁶⁶ Репина Л.П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. 2007. Вып. 21. С. 11.

¹⁶⁷ Ломоносов М.[В.] Древняя российская история... — С. 11.

описывая новгородских посадников, использовал именно мысли Миллера из статьи «Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа» (1761)¹⁶⁸. И другой историописатель Н.С. Ильинский, изложил структуру власти в республиканском Пскове так, что не понадобится даже внимательно вчитываться, чтобы понять, – он заимствовал это из «Краткого известия о начале Новагорода» Г.Ф. Миллера, но сноски на историка не сделал¹⁶⁹.

Отношение истории (как науки) и общества к прошлому не обязательно должны совпадать. Чаще всего они разные. Власть и общество всегда ждут определенную историческую литературу, а подобный заказ дискурса выполняет социально ориентированный тип историописания.

Напрашивающийся вывод о (не)профессионализме М.В. Ломоносова в сравнении с Г.Ф. Миллером надо оставить в стороне. Ломоносов не может быть «плохим» или «хорошим» историком, он просто был «другим» историком – историком, позиционировавшим социально ориентированное историческое знание, историком, конструировавшим похвальный исторический опыт и служившим общественному сознанию. М.В. Ломоносов писал в духе времени (имеется в виду не барочная практика украшения текста, а умение выбрать «полезные» для читателя исторические сюжеты), откликнулся на требования настоящего, выполняя заказ дискурса, шедший от современной ему власти, а также значительной части общества, и в итоге, он оказался более востребованным властью и просвещенной элитой, нежели его современники-историки. Поэтому, если исторические работы М.В. Ломоносова не имели большого влияния на развитие исторической науки, то они были «любопытными» как для августейшего, так и для обычного читателя, давая возможность видеть «бесспорную» славу своих предков в древности.

¹⁶⁸ См.: Чулков М.[Д.] Историческое описание Российской коммерции... при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего: в 7 т., 21 кн. Т. 1. Кн. 1. С. 90-103.

¹⁶⁹ Ильинский Н.С. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания, заключающее в себе многие достойные любопытства происходи: в 6 ч. СПб.: Тип. Б.Л. Гека, 1790–1795. Ч. 1. С. 17.